

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ АНТОНА ЛЕОНТЬЕВА В СЕРИИ «АВАНТЮРНАЯ МЕЛОДРАМА»

Нина Арбенина.

Путешествия по литературным мирам

- Пепел книжных страниц
- Ее настоящая жизнь
- Остров вчерашнего дня

**Журналист Федор Крылов:
в котях шокирующих сенсаций**

- Лига охотников за вампирами
  - Имя мне легион
- Тайный приют олигарха
- Бизнес-ланч у Минотавра

**«Меня зовут Элька Шрепп,
полиция Гамбурга»**

- Закат созвездия Близнецов
- Святой нимб и терновый венец
- Дворец, где разбиваются сердца

**Под скипетром Бертрана:
триллер и гламур на Лазурке**

- Крапленая карта мира
- Шпионка, пришедшая с севера
  - Восьмой смертный грех
  - Демоны зимних ночей
- Воздушный замок Нострадамуса
  - Побег с Лазурного берега

Жемчужина Адриатики Герцословакия:

в клубе роковых страстей

- Ключ к волшебной горе
- Профессия – первая леди
- Шоу в жанре триллера
- Лес разбуженных снов
- Ночь с Каменным Гостем
- Корона последней принцессы

Южноамериканский рай Коста-Бьянка:

океан, любовь, убийство

- Хозяйка Изумрудного города
- Кровь Троянского коня
- Звездный час по тарифу
  - Город и его страхи
  - Трудно быть солнцем
- Вечер в городе соблазнов
  - Жрец смерти
- Часовня погубленных душ
  - Венец творения
  - Тринадцатая Ева
- Танцующая с дьяволом
  - Ремейк кошмара
  - Алхимия иллюзий

**«Жизнь – это коробка шоколадных
конфет: никогда не знаешь,
какая начинка тебе попадет»**

- Девять с половиной идей
- Золотая клетка для синей птицы
  - Последний бог
  - Код одиночества
  - Знак свыше
- Вечной жизни не хватит
- Миф страны эдельвейсов
- Небо слишком высоко
- Под маской хеппи-энда
  - Билет в Зазеркалье
- Гордость и преступление
  - Флакон смерти № 5

**Артефакт-приключения: в поисках
сокровищ и любви**

- Вилла розовых ангелов
- Хранители судьбы
- Ночь всех святых
- Русалки белого озера
- Отель сокровенных желаний
- Мольберт в саду Джоконды
- Мечь глубокой заморозки
- Вечность продается со скидкой
  - Вендетта. День первый
  - Псевдоним Венеры
  - Огненный холод
- Связанные одной тайной
- Зеркальный лабиринт мести
- Мертвые канарейки не поют
- Удар сердца, вздох призрака
  - Еще один знак Зодиака
  - Призраки страсти
  - Глаза цвета тьмы
  - Интервью с магом
  - Путешествие в сны
  - Луна на дне пруда

Жизнь – это сноса

в неоконченном романе

- Обратная сторона смерти
  - Потрошитель душ
- Крылатый сфинкс, печальный
Ведьма по недоразумению Ада Булгакова
  - Ярость херувимов

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ЯРОСТЬ
ХЕРУВИМОВ

МОСКВА
2022

— *Мамочка, с ведьмами знаться я не буду!*
— *Детка, ведьм ведь немало повсюду.*

«Вальпургиева ночь».
Виллебальд Алексис

«Ведьма, суцая ведьма!»

Именно так. Трясущаяся рыжеволосая женщина, которая стояла напротив Ады и, закатив глаза, изрыгала самые отборные (хотя и вполне себе литературные) ругательства в ее адрес, была самой настоящей ведьмой.

Ну, и по совместительству одной из наиболее успешных писательниц современной России.

Внезапно «ведьма», которую звали Лариса Георгиевна Водопьянова, остановилась и, распахнув свои дивные очи, проскрипела:

— Чего-чего?

И к своему ужасу, Ада поняла, что она в сердцах назвала Ларису Георгиевну *ведьмой, суццей ведьмой* не только в мыслях, а и вполне себе вслух.

— Милочка, я к вам обращаюсь! Вы чего-чего сказали в мой адрес? *Как* вы меня только что назвали?

Ада нечаянно изрекла то, что давно вертелось на языке, вероятно, не только у нее: характер у писательницы Водопьяновой был прескверный, о чем в издательстве отлично знали все.

Однако одно дело подумать, а другое — сказать в лицо самой этой писательнице.

А по совместительству *ведьме, суццей ведьме*.

И ладно бы являйся Ада главной в редакции или хотя бы женой директора издательства, в котором бешеными тиражами выходили любовно-мистические опусы писательницы Водопьяновой, пользовавшиеся отчего-то огромной популярностью у невзыскательной публики.

Но нет, она не была ни директором, ни его женой или хотя бы любовницей. Всего лишь младший редактор, одна из многих, самая мелкая сошка и крохотный винтик в гигантском механизме крупного московского издательства «Ктулху».

А писательница Водопьянова, которая, скривив карминный рот и уставившись на нее, тяжело дышала, явно ожидая ответа, от которого зависела если не жизнь самой Ады, так ее последующая карьера — *это точно!* — была звездой, генерировавшей год за годом огромные тиражи, правда, в последнее время уже падавшие, имела армию многомиллионных поклонников в России и за рубежом (в массе своей среди именно этой самой невзыскательной публики, в первую очередь дам средних лет и такого же достатка), и, по упорным слухам, обладала самым скверным характером среди всех ваятелей вечного и прекрасного, с которыми сотрудничало издательство.

То есть *ведьмой, сущей ведьмой*, как и было сказано.

Понимая, что ненароком поступила так, как ей *не было* дозволено, хотя бы по причине ее мелкой должности и полного отсутствия влияния в «Ктулху», Ада, не желая быть уволенной в одночасье (а в том, что такое случится, она не сомневалась: писательница Водопьянова наверняка устроит скандал, потребует избавиться от грубиянки и не успокоится до тех пор, пока Ада не потеряет работу), чарующе улыбнулась и, чувствуя, что сердце ушло куда-то в район пяток, ответила:

— Ну конечно, *ведьма, сущая* ведьма, кто же еще!

Писательница Водопьянова, женщина массивная, неопределенного (по причине ряда *не самых* удачных пластических операций) возраста, в своей любимой домашней хламиде, которая, как она упорно повествовала в интервью, обеспечивала ей вдохновение во время творческого процесса (судя по падающим тиражам — *не особо*), вознесла к горлу унизанные разноцветными перстнями длинные пальцы и в ошеломлении повторила:

— Милочка, как вы посмели меня назвать?

Было бы сенсацией года ответствовать, что уши Водопьяновой, в которых покачивались массивные бриллиантовые серьги, последствие некогда умопомрачительных тиражей, оставшихся в далеком прошлом писательницы, только что закатившей Аде форменный скандал из-за самого настоящего пустяка — закатывать скандалы она обожала, и все, как на подбор, из-за самого настоящего пустяка — ее не подвели и она все отлично слышала. А затем хорошо было бы громко хлопнуть узорчатой дверью подмосковного шале (еще одним продуктом тех самых миллионных тиражей, впрочем, давно уже недостижимых), в котором они, собственно, и находились, и с высоко поднятой головой гордо отправиться восвояси.

В безработицу и безденежье.

Но позволить себе такого Ада, конечно же, не могла, потому что понимала: это было бы верхом неблагоразумия и, более того, профессиональным самоубийством. Она ведь слышала *крайне* страшные, но от этого не менее правдивые истории об *ужасной* мести на редкость злопамятной и кошмарно зловредной писательницы Водопьяновой, которая в аналогичных случаях следила за тем, чтобы

личности, посмеявшие действовать ей на нервы или, чего доброго, оскорбить ее, уже никогда и нигде не нашли работы — по крайней мере, в издательском бизнесе.

— Да, Лариса Георгиевна, это именно так! — произнесла Ада, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно более твердо, но одновременно почтительно, и чувствуя, что ее начинает слегка колотить.

Ее уволят в тот же момент, как писательница Водопьянова, приложив к уху с массивными бриллиантовыми серьгами, свидетелями ее былых литературных побед, изукрашенный стразами смартфон, позвонит напрямую владельцу «Ктулху», с которым — *как же иначе-то!* — она на «ты», и потребует «избавить ее от этой юной хамки, надерзившей и сбившей вдохновение».

— Эта несчастная Софья Скорпионова — ведьма, сущая ведьма! Вы ведь согласны?

Это был ее единственный шанс. Софья Скорпионова, печатавшаяся в издательстве-конкуренте, была злейшим врагом и многолетней соперницей писательницы Водопьяновой. Кроме того, *очень* много лет назад (и одна, и другая ваятельница бестселлеров были, мягко говоря, уже не первой молодости, и, если уж на то пошло, даже и не второй) писательницы считались дальними родственницами и закадычными подругами. А еще обе поочередно побывали супругами одного и того же мужчины, что, собственно, и развело их по разные стороны баррикад.

Литературных, любовных и личностных, *само собой*.

Встречаясь в свете, обе дамы не стеснялись устраивать столь любимые желтой прессой грандиозные скандалы, обвиняя друг друга во всех смертных грехах, а помимо этого во взаимном плагиате,

полном отсутствии совести и таланта, а также в абсолютной бездарности и тотальной ничтожности.

Обе обожали подобные сцены, им они требовались, в том числе и для того, чтобы опять оказаться в заголовках сомнительных СМИ.

Что, однако, ни в коем случае не отрицало того простого и непреложного факта, что писательницы в самом деле люто ненавидели друг друга.

Напряженные черты оптимизированного пластическими хирургами лица писательницы Водопьяновой несколько разгладились, и она уже более спокойно спросила:

— Софка? *Она*-то здесь при чем?

Ада, благополучие которой сейчас зависело от изворотливости и буйства фантазии, понимая, что почти вывернулась из скользкого оборота, почтительно (с писательницей Водопьяновой всегда надо было разговаривать именно так — *почтительно*, причем лучше всего потупив глаза) произнесла:

— Ну ведь ее, увы, весьма опрометчиво также пригласили на сегодняшней прием...

Она имела в виду грандиозное, намеченное на вечер текущей сентябрьской пятницы, *тринадцатого*, действие в самом роскошном отеле столицы. Звездой мероприятия должна была стать не писательница Водопьянова и даже не ее врагиня и злейшая конкурентка и какая-то там троюродная (или что-то подробное) сестра *Софка*, а зарубежная богиня тривиальной литературы, автор мегабестселлеров, прибывшая по приглашению «Ктулху», обладавшего эксклюзивной лицензией на издание на постсоветских просторах всех ее произведений, в российскую столицу для участия в завершавшейся сегодня книжной ярмарке. Первая женщина, заработавшая при помощи своих книг о девочке-волшебнице *миллиард*, причем в свободно

конвертируемой валюте, а с учетом голливудских экранизаций, наверное, и поболее, апофеоз ночных кошмаров писательниц Водопьяновой и Скорпионовой, великая и неподражаемая Лоретта ди Сан-Марко! Английская писательница, родившаяся и выросшая на Мальте, жившая в собственном замке в Шотландии, возведенная британской королевой за свои литературные заслуги в наследные баронессы, носившая итальянскую фамилию своего никому не известного бывшего швейцарского мужа!

Писательница Водопьянова, скуксившись (насколько это позволяло ее изуродованное пластическими хирургами лицо) и подзаборно выругавшись, извлекла из кармана своей домашней, дававшей ей творческое вдохновение, хламиды сверкающий смартфон и, приложив его к уху, завопила:

— Миша, это ты? Мне тут эта дуреха говорит, что Софка на прием с Лореттой тоже приглашена? Как такое может быть? Нет, я тебя русским языком спрашиваю, как это возможно? Что она делает? Звезда российской литературной сцены только одна — я!

Выплыв из аляповато обставленной гостиной своего подмосковного шале, писательница Водопьянова, позвонившая не кому-нибудь, а сразу владельцу «Ктулху», оставила Аду в гордом одиночестве.

Девушка, понимая, что в этот раз *пронесло* и ее не уволят, по крайней мере сегодня, в изнеможении опустила в кресло — и услышала недовольное мяуканье, громкое фырганье, заодно ощутив впившиеся в спину острые коготки.

Так и есть, одна из десяти любимых кошек писательницы Водопьяновой, которые и были истинными хозяевами подмосковного шале авторши многомиллионных (во всяком случае, *некогда*) тиражей,

перекормленная хвостатая тварь, сверкая глазами и урча не хуже своей хозяйки, прыгнула на ковер и выбежала прочь.

Кошки были под стать писательнице (или это она была под стать своим невоспитанным и избалованным питомцам?), и девушка поняла, что снова рисковала быть уволенной: если бы Лариса видела, как она нечаянно едва не раздавила одну из ее любимиц, без промедления вышвырнула бы Аду прочь.

Именно такое произошло с ее непосредственной предшественницей, которая была, как теперь и сама Ада, девочкой на побегушках, а по совместительству грушей для битья и мусорным ведром для вечно пребывающей в плохом настроении писательницы Водопьяновой. По требованию которой ее и выгнали с работы в издательстве.

Закрыв на несколько мгновений глаза и попытавшись расслабиться, Ада подумала, что если бы писательница Водопьянова ее уволила, то этому кошмару настал бы конец, она бы была избавлена от общества вздорной и крайне злобной особы.

Ведьмы, сущей ведьмы.

Но вместе с этим Ада потеряла бы и заработок, весьма солидный для самой мелкой редакторской сошки, а также призрачную возможность, выказав на водопьяновской стезе свой стальной характер и неподражаемые деловые и личностные качества, сделать дальнейшую карьеру в «Ктулху».

Впрочем, *отчего* призрачные — ведь непосредственная начальница Ады, сюда ее и направившая, когда-то тоже была на побегушках у Ларисы и, с честью выдержав эту муку, сумела подняться на ступень выше.

И непосредственная начальница ее непосредственной начальницы *тоже*.

А раз так, если имелись реальные люди, сумевшие пережить тайфун под названием Лариса («О да, Лариса Георгиевна, вы абсолютно правы, я дура, каких еще поискать надобно, а вот ваш черный кофе и сигарета») и даже вскарабкаться по карьерной лестнице, то чем Ада хуже?

Но были и другие, чьи имена предали *вечному забвению*, примерно как неугодных египетских фараонов и свергнутых римских императоров: те, кого писательница Водопьянова потребовала уволить и растерзала в клочья.

Как ее непосредственную предшественницу, которую Ада даже неплохо знала и которая в итоге, помыкавшись то тут, то там, так и не нашла работы ни в одном другом издательстве, была вынуждена выйти замуж и поспешила забеременеть, дабы отыскать для себя новую стезю.

Ну, если Аду уволят, она *тоже* сможет выйти замуж — хотя, в отличие от ее непосредственной предшественницы, у нее нет состоятельного молодого человека.

Хотя постоит же, у нее же есть *Стасик!*

При мысли о Стасике, своем бойфренде и почти женихе, Ада горько вздохнула. Ну да, у них дело шло, судя по напряженным отношениям, не к свадьбе, а к расставанию.

И если ее уволят, то не исключено, что Стасик, банковский аналитик, недавно *действительно* пошедший на повышение и ставший начальником, *хотя бы* и мелким, не только не поддержит подругу морально и финансово, но и заявит, что «пришло время поговорить по душам, девочка моя, и принять правильное решение».

Ну да, *девочка моя* — так он всегда обращался к ней. Причем когда она в ответ называла его *мальчик мой*, это ему ужасно не нравилось.

Не хватало еще, чтобы она в один день потеряла и работу, и жениха. Вернее, бойфренда, который отнюдь не намеревался делать ей предложение и переходить в статус законного супруга.

Печалиться по этому поводу Ада, девушка современная и независимая, не намеревалась, ну, а если все же да, то всего лишь чуть-чуть, или, быть может, *немного больше*, потому что Стасика она все же любила.

По крайней мере, в начале их длившихся уже третий год отношений — точно.

А вот *сейчас*?

Еще до того, как она сумела прийти к какому бы то ни было ответу на этот крайне экзистенциальный вопрос, на пороге гостиной появилась писательница Водопьянова, уже завершавшая разговор с издателем *Мишей* и пребывающая, как водится, в крайне дурном расположении духа.

— *Где мой черный кофе и сигарета?* — произнесла она беспрекословным тоном, и Ада, смекнув, что писательница зла на нее уже не таит и увольнять прямо сейчас не намеревается, бросилась выполнять ее желание.

Когда через пару минут Лариса, получив двойной эспрессо, приготовленный в кофейном автомате на кухне, а также ментоловую сигарету, в сопровождении своих хвостатых любимиц удалилась, попыхивая пахитоской, на террасу — уже снова телефонируя кому-то и жалуясь, что *Софка также будет на приеме*, — Ада, улучив момент, вернулась на кухню, где ткнула пальцем в одну из кнопок на кофейном автомате.

— Вы, быть может, тоже хотите? — спохватилась она, обращаясь к экономке писательницы Водопьяновой, Марии Филипповне, сновавшей по огромно-

му помещению, заполненному аппетитными запахами: готовился обед, а покушать писательница *ой как любила*, придерживаясь мнения, что *на голодный желудок вдохновение не приходит*.

Та, качнув головой с короткими седыми волосами, ответила:

— Нет, спасибо, я уж лучше чаю. Ну что, сегодня *не в духе?*

Ада, наблюдая за тем, как горячее молоко струится в бокал, кивнула.

Экономка, что-то кромсая, продолжила:

— Впрочем, о чем это я, когда она в духе. Хотя, в сущности, Лариса Георгиевна — неплохой человек, только глубоко несчастный.

Ада едва не выронила из рук бокал с обжигającym латте макиато. Это писательница-то Водопьянова — *глубоко несчастная?* Несмотря на ее катастрофически падающие тиражи, зарабатывала она, благодаря своим старым книгам, *о-го-го*, точнее даже, *о-го-го-шеньки*. Ее новые произведения, как водится, с мелодраматично-мистически-мармеладной начинкой, хоть и сползли, причем уже давно и прочно, с первых, вторых и даже третьих позиций в списке бестселлеров, но еще пользовались любовью многочисленных поклонников, опять же, *женщин средних лет и такого же достатка*, и тоже неплохо продавались. Посему писательница обитала в собственном подмосковном шале, коллекционировала раритетные драгоценности и только на прошлой неделе выгнала взашей молодого любовника, когда узнала, что тот ходит на сторону, причем *тоже к любовнику*.

В общем, жизнь если не литературной императрицы, так хотя бы королевичны или курфюрстины была не без терний, но в общем и целом — вполне недурственна. Она вполне комфортно протекала в окружении десятка подобострастных кошек, за-

ботливой экономки, поварихи и «ктулхушников», как пренебрежительно и прямо в глаза писательница Водопьянова именовала работников издательства, готовых выполнять все ее заскоки. Включая очередную девочку на побегушках, боксерскую грушу и грелку для Тузика (вернее, для Ларисы Георгиевны): юную, рыжеволосую, робкую Аду Булгакову, младшего редактора отдела любовной и мистической прозы издательства «Ктулху», направленную непосредственной начальницей, уже прошедшей это испытание, в пещеру к огнедышащему дракону.

Вернее, в подмосковное шале к попыхивавшей ментоловыми сигаретами писательнице Водопьяновой.

Которая, как утверждала ее экономка и повариха, была *глубоко несчастным человеком*.

— *Точно* глубоко несчастный? И насколько именно глубоко? Глубже Марианской впадины или еще нет? — произнесла, осторожно отхлебывая обжигающую пену, Ада, а экономка со вздохом ответила:

— Ну, я ведь давно у нее работаю, знаю Ларису Георгиевну как облупленную. Конечно, характер у нее не сахар, но если бы у нее в личной жизни все было получше, то и к окружающим она относилась бы поспокойнее.

Ада подумала о смазливом накачанном любовнике, персональном тренере, которого писательница Водопьянова после его случайно вскрывшихся шашней со скандалом (вопли, визги, выдернутые волосы) выставила за дверь.

Точнее, своей бриллиантовой рукой *выбросила*.

— Ну, с Аркашей ей не повезло, конечно...

Мяукая, на кухню вбежали сразу три кошки — две белые и одна черная.

— Что, красавицы, кушать хотите? Сейчас вам мамочка даст!